

Романы о Великой Отечественной войне

От ветерана Советской армии

Александр
Тамоников

КИПЯЩАЯ ПЕРЕПРАВА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Кипящая переправа / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Романы о Ве-
ликой Отечественной войне. От ветерана Совет-
ской армии).

ISBN 978-5-04-190253-7

1942 год. Накануне Ржевско-Сычевской операции груп-
пе разведчиков капитана Глеба Шубина поручено выяс-
нить, где находятся узлы обороны противника и его мин-
ные поля. Скрытно переправившись через реку, бойцы
выходят к укрепленной линии немецкой обороны. Чтобы
преодолеть неприступные позиции, Шубин идет на хи-
трость: он направляется к ближайшему населенному пунк-
ту, переодевшись в немецкую форму. Там он сталкивается
с начальником корпусной разведки немцев, который пона-
чалу не распознает в незнакомце советского диверсанта. Ни
капитан Шубин, ни уверенный в себе немец не знают, что
эта случайная встреча станет роковой для них обоих...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190253-7

© Тамоников А.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Вечерело. Где-то на севере собиралась гроза, там набухали зловещие лиловые тучи, громыхал гром, над горизонтом то и дело возникали короткие вспышки молний.

«Словно там артподготовка уже началась», — подумал капитан Шубин, глянув на небо.

Он, как всегда в это время, обходил расположение своей разведроты, смотрел, везде ли порядок, чем заняты бойцы. Непрерывная, не оставляющая ни минуты передышки лихорадка боя — тяжелая, изматывающая вещь. Хочется, чтобы она поскорее закончилась, хочется отдохнуть. Отдыха от изматывающей лихорадки боев с одинаковой силой хотят и рядовые, и офицеры. Особенно если дело происходит весной или летом, когда можно выбраться из землянки на свежий воздух, растянуться на траве... Красота!

Но и длительный отдых, безделье, когда у бойцов нет боевых задач, вот как сейчас, например, — вещь тоже вредная. В этом случае командир должен следить, чтобы у солдат было дело, чтобы они весь день были заняты. Иначе неминуемое падение дисциплины. Солдат всегда должен быть занят, всегда должен овладевать боевыми навыками. Вот Шубин и составлял расписание занятий для каждого взвода, следил, как это расписание выполняется. Он знал, что такое воинская дисциплина, и всегда умел ее поддерживать.

Глеб Шубин лишь месяц назад получил новое звание и теперь носил на погонах четыре звездочки и командовал уже не взводом, а ротой. И подчинялся он теперь не командиру полка, а непосредственно командиру дивизии, поскольку рота его была звеном дивизионной разведки. Рота была частью дивизии, а 251-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Басан Бадьминович Городовиков, — частью 20-й армии, во главе которой стоял генерал-лейтенант М. А. Рейтер. Армия уже три недели стояла на холмистой, пересеченной местности на правом берегу реки Держи. Стояла так прочно, словно навеки тут решила расположиться. Бойцы успели отрыть окопы полного профиля, блиндажи офицерам, а себе — такие хорошо оборудованные землянки, что в них

и зимовать можно было. Но ведь они не собирались здесь зимовать, верно? В частях ходили упорные разговоры о скором наступлении. Передавали слухи о прибытии подкреплений, в том числе большого количества танков, а также легендарных «катюш».

Так Шубин раздумывал, направляясь к своему блиндажу, когда его нагнал вестовой.

— Товарищ капитан, вас срочно командир дивизии требует! — сообщил он.

— Понял, иду, — ответил Шубин и, сменив направление движения, направился в сторону деревни Ручьи, где расположился штаб дивизии. «Вот, кажется, и дело, которое я ждал», — подумал он.

Командир дивизии занимал неприметную избу в стороне от центра деревни. Правда, хорошие, крепкие избы в деревне Ручьи и не сохранились — все были разрушены в ходе прошлогодних и этого года боев, когда немцы сначала рвались к Волоколамску и дальше, к Москве, — а потом мы гнали их обратно.

Часовой у входа взгляделся в Шубина и кивнул ему — входи, мол. Шубин толкнул дверь и вошел в избу.

У стола в комнате сидели два человека. И не надо было долго размышлять, чтобы понять, кто из них главный, кто командир дивизии. Полковник Басан Городовиков, командир

251-й Витебской стрелковой дивизии, был личностью весьма колоритной. Крещеный калмык, родившийся на Дону, в области Войска Донского, он на всю жизнь сохранил казацкие навыки: отлично держался в седле, владел шашкой и носил длинные усы устрашающего вида. Басан Бадьминович служил в армии всю жизнь, с мальчишеских лет, и знал воинское дело, как казак знает собственное хозяйство, которое сам создал.

И что характерно, служил Городовиков под началом командующего 20-й армией генерал-лейтенанта Макса Рейтера — единственного латыша в Красной армии, достигшего такой высокой должности. Рейтер был такой же прирожденный военный, как и Городовиков. Вот такие были у Шубина теперь командиры.

Вторым человеком, находившимся в комнате, был начальник штаба дивизии полковник Борис Викентьевич Белецкий. Сын царского генерала, человек трудной судьбы, он так же отлично разбирался в военном деле. Но он сам признавал, что в умении командовать войсками он уступает Городовикову.

Войдя в комнату, Шубин доложил:

— Командир разведроты капитан Шубин по вашему приказанию прибыл!

Два полковника обернулись к нему. Городовиков слегка пошевелил своими устрашающими

усами, кивнул и произнес своим гулким командирским голосом:

— Хорошо. Проходи, капитан, садись вот тут рядом со мной. Отсюда тебе всю диспозицию будет видно.

Шубин шагнул к столу, сел рядом с командиром дивизии. Лежавшая на столе карта-километровка была в нескольких местах расчерчена красными и синими линиями, и в нескольких местах на ней стояли флажки таких же цветов.

— Вот, гляди, Шубин, — заговорил командир дивизии. — Вот расположение нашей дивизии. Вот деревня Ручьи, где мы сейчас находимся, вот один полк, второй, третий... А вот где мы должны быть в результате наступления. — И полковник указал на красные флажки, торчащие далеко к западу от места расположения дивизии.

— Командование поставило задачу, — продолжал Городовиков, — прорвать немецкий фронт, выбить противника из главного узла его обороны — поселка Погорелое Городище — и гнать его на запад до самого Ржева. А затем освободить и сам Ржев, и расположенную южнее деревню Сычевка и таким образом ликвидировать этот проклятый Ржевский выступ. Задача, как ты видишь, сложная, и выполнить ее будет непросто. Впереди — река Держа, которую надо не просто форсировать, а переправить через нее танки, артиллерию и другую технику.

— А между тем берега Держи, как мы знаем, заболоченные, танки могут завязнуть еще на подходе к переправе, — добавил полковник Белецкий.

— Да, тут кругом ручьи, болота — не даром и название у деревни такое, — снова заговорил Городовилов. — И мы должны здесь не просто переправиться — а сделать это под ураганным огнем противника! Потому что немцы будут сопротивляться изо всех сил, в этом я не сомневаюсь. Поэтому нам будет нужно иметь в своем распоряжении все, что может плавать и нести на себе бойцов: плоты, лодки, понтоны... Но в первую очередь мне нужна информация о противнике. Понимаешь, Шубин? У нас крайне мало информации. Я знаю только, что нам противостоят части немецкой 9-й армии. Что за части? Какое у них вооружение? Где находятся узлы обороны? Где опорные пункты? Где минные поля? И как их преодолеть? Особенно меня интересует район поселка Погорелое Городище. В этой местности я хочу иметь сведения о каждом доме! Понял задачу?

— Понял, товарищ полковник, — ответил Шубин. — Надо разведать удобные броды через Держу, а также пути преодоления обороны противника. Задача решаемая, сделаем. Сколько у меня времени?

— Сегодня у нас 28-е, — сказал командир дивизии. — Через два дня, самое большее через три, я должен иметь необходимые сведения. То есть 31 июля ты должен стоять здесь и докладывать о результатах своей разведки.

— Теперь вопросов нет, — сказал Шубин. — Разрешите выполнять?

— Можешь взять столько людей, сколько считаешь нужным, — добавил Городовиков. — Бери хоть всю роту, а можешь и один идти — как тебе удобнее. Не мне тебя учить, ты сам ученый. Все, иди, выполняй.

Шубин покинул штаб полка почти бегом. На ходу он оценивал масштаб задачи и прикидывал, кого взять на ее выполнение. У него в подчинении было три взвода. Двумя взводами командовали офицеры, лейтенанты Струмин и Ярыгин, третьим — сержант Игорь Воробьев. Шубин уже некоторое время назад пришел к выводу, что лучшим командиром является как раз сержант Воробьев, как человек более толковый и опытный в военном деле. Два лейтенанта, только что окончившие ускоренные офицерские курсы, необходимого командного опыта еще не имели. Поэтому в данный момент у Шубина не возникло сомнений, кого взять с собой на выполнение трудного и опасного задания. Конечно же, Воробьева и его взвод. «А лейтенанты

пусть пока наберутся опыта, — подумал он. — Потом и их время придет».

Поэтому, подойдя к расположению роты, Шубин сразу свернул в сторону, где располагался третий взвод, и заглянул в землянку, в которой обитал сержант Воробьев.

— Игорь, давай быстро ко мне, разговор есть, — сказал он.

Войдя к себе в блиндаж, он сел на скамью к столу, сержанту кивнул на другую скамью — садись, мол, не стой, разговор будет долгий, — и достал из планшета карту.

Карта у Глеба Шубина была вроде такая же, как у полковника Городовикова — обычная километровка. Но отличалась она тем, что вся была разрезана на небольшие куски, размером 5х10 сантиметров. Такой кусок был удобен тем, что его легко можно было засунуть в карман или даже в рукав, а то и в сапог. Шубин еще в прошлом году, во время боев за Смоленск, придумал хранить карту во время рейдов в немецкий тыл разрезанной, и с тех пор всегда так поступал.

— Значит, так, Игорь, слушай меня внимательно, — сказал он. — Комдив поставил перед нами серьезную задачу. Мы должны разведать расположение противника, собрать все какие только возможно сведения о самом противнике, а также о его обороне. Надо побывать вот здесь, в поселке Погорелое Городище, и здесь, в на-

правлении Сычевки, и вот сюда заглянуть, в сторону Ржева. Необходимо найти на Держе удобные броды, а за рекой — проходы через минные поля. Узнать, где у немцев узлы обороны, где командные пункты, где стоят резервы. Короче, собрать кучу информации. И все — за два дня. Я решил, что выполнять задание командования буду вместе с твоим взводом.

— Что, весь взвод пойдет? — спросил Воробьев.

— Не весь, — ответил Шубин. — Кроме нас с тобой, пойдут еще четверо. У тебя ведь есть один хороший сапер — Пастухов, кажется?

— Да, Женька Пастухов — первоклассный сапер, — согласился сержант. — Он мины под землей прямо нюхом чует. А пальцы у него словно у музыканта, может взрыватель вынуть, и взрыва не будет. Но и Костя Погорелов тоже сапер хороший. Так что у меня два таких специалиста.

— Ну вот, бери Пастухова и Погорелова, — кивнул Шубин. — И еще двоих, самых ловких, сообразительных, кто везде пролезет и кто маскироваться умеет. Потому что, я чувствую, нам там придется у немцев прямо под носом проползать. Территория тут, как ты видишь, небольшая, и вся она напичкана вражескими частями. Значит, нас всего будет шесть человек. Я думаю взять малую плоскодонку, я ее в вашем расположении видел.

— Все верно, Серега Бесчастный эту лодку тут неподалеку заметил и решил сюда к нам подогнать, — сказал сержант. — Только, товарищ капитан, насчет идеи с лодкой я сомневаюсь. Немцы за рекой очень плотно следят, каждый метр просматривают. Лодку обязательно заметят.

— И как же ты думаешь перебраться? Вплавь, что ли? А боекомплект? Нет, вплавь не получится.

— Зачем вплавь? В полукилометре выше по течению я обнаружил заводь. Там везде мелко, чуть выше пояса. Можно вброд перейти и боекомплект перенести. Я уже брод проверил — перешел на тот берег и осмотрел местность. Кусты там густые, непролазные. Видно, что немцы в этих местах не бывали. А что непролазные, не страшно — мы с вами везде пролезем, верно?

— Молодец, что нашел такое место, — одобрил Шубин. — Что ж, принимаю твой план. Значит, говоришь, уже и на той стороне успел побывать? Значит, вдвойне молодец. А может, ты и другие места на Держе можешь указать, где наши части могут переправиться?

— Могу и другие указать, — кивнул Воробьев. — Еще немного выше, метрах в ста, есть узкое место. Его вброд не перейдешь, глубина большая, и течение сильное. Зато река там шириной не больше четырех метров, ручей, а не река. В этом месте нашим саперам будет легко

мост навести. Даже несколько мостов можно рядом устроить.

— Ну-ка, покажи мне эти места на карте, — потребовал Шубин. — И там, где сегодня будем вброд переходить, и где мост можно навести.

Сержант не очень уверенно повел пальцем по карте, наконец нашел одно нужное место, потом второе, показал. Его неуверенность не укрылась от глаз капитана.

— Плохо карту знаешь, Воробьев, — упрекнул он. — Учиться тебе нужно. Вот вернемся из разведки, буду тебя учить. Разведчик обязан уметь карту читать. Тут никаких гаданий не должно быть. Ладно, сейчас не время об этом говорить. Значит, так. Ступай к себе, поставь перед бойцами задачу. Пятерых, что останутся здесь, передашь временно лейтенанту Струмилину. А впятером собирайтесь. Возьмите по четыре боекомплекта, по четыре гранаты и паек на два дня. Через полчаса жду вас у этой точки.

И Шубин указал на карту, где он уже успел нанести значок «Брод».

— Смотри, Воробьев, не опоздай, — сказал он на прощание. — Я не девушка, опозданий прощать не буду! Да, и вот еще что. Лодку мы, пожалуй, все же возьмем с собой. Плыть мы в ней не будем, но можно положить в нее боекомплект. Ну, и потом она может пригодиться. Так что лодку ты, сержант, прихвати.

В тридцати километрах от того места, где капитан Шубин ставил задачу своему сержанту, в хорошо сохранившемся каменном доме в центре города Зубцов, также проходило совещание в узком кругу. Командующий 46-м танковым корпусом 9-й армии вермахта генерал Генрих фон Верхафен вызвал своего начальника корпусной разведки капитана Ганса Книппера, чтобы обсудить с ним сложившуюся в прифронтовой полосе обстановку. Генерал фон Верхафен высоко ценил своего начальника разведки, а потому встречал его в соответствующей обстановке. На столе стояла запыленная бутылка с этикеткой на французском языке, а рядом — тарелка с лежавшей на ней порезанной бельгийской колбасой и французским сыром.

— Ну, Ганс, позвольте старику за вами поухаживать, — сказал генерал, наливая в бокалы темно-коричневый напиток. — Вот, позвольте вам предложить: первоклассный французский коньяк двадцатилетней выдержки. Мне недавно прислал мой друг, который командует корпусом на Атлантическом валу. Закуска тоже неплохая, французская и бельгийская...

— Вы меня балуете, мой генерал, — ответил Книппер, принимая бокал. — Право слово, я не стою такого вашего внимания.

— Как это «не стоите»? — возмутился фон Верхафен. — Где, в каком корпусе так постав-

лена служба разведки и контрразведки, как в моем? Я всегда имею достоверные сведения о противнике, мне не приходится сражаться вслепую. И это буквально с первого дня восточной кампании! Вы настоящий мастер своего дела, Ганс! Итак, выпьем. Выпьем, а уже потом поговорим о делах. Выпьем за нашу победу, хотя сейчас она кажется более далекой, чем год назад.

Ганс Книппер молча склонил коротко стриженную белобрысую голову в знак согласия и пригубил драгоценный коньяк. Он оценил степень независимости своего шефа, который не начал выпивку с обязательного первого тоста «за фюрера». Ни один солдат в немецкой армии не отказался бы выпить за победу. Но далеко не все были готовы с восторгом произносить имя «вождя германской нации» и тем более умирать за него. Тем более не был готов умирать за фюрера Ганс Книппер. В гражданской жизни, до призыва на военную службу, он преподавал математику в университете Тюбингена. Загадки теории множеств привлекали его куда сильнее, чем идеи расового превосходства. Перед ним дважды открывалась возможность перевестись из армии в войска СС, и оба раза он уклонился от этой чести.

— Ну а теперь о деле, — сказал генерал, сразу сделавшись предельно серьезным. — У меня

на столе лежат данные авиационной разведки. Они свидетельствуют, что русские сосредоточили на противоположном берегу реки значительные силы. Большие силы пехоты, а главное — там сконцентрированы десятки танков. Может быть, даже сотни — точное число выяснить не удалось. Все это говорит о том, что русские готовятся нанести удар. Но куда будет нацелен этот удар? Какова цель русских? Пойдут ли они сюда, на Ржев, или направятся южнее, на Карманово и Сычевку, чтобы срезать весь наш выступ, окружить всю 9-ю армию? Вот что я хотел бы знать.

— К сожалению, мой генерал, я не смогу ответить на все ваши вопросы, — ответил капитан. — Но кое-что я могу прояснить. Мои парни несколько раз плавали на тот берег реки. Им удалось выяснить, что русские собирают все плавсредства, какие могут найти: лодки, плоты, катера. Они готовят наступление. И мы даже смогли узнать, какими силами будет вестись наступление и какова его цель. Более того, мы даже знаем точную дату начала наступления русских!

— Говорите же скорее! — воскликнул фон Верхафен.

— Русские готовят наступление силами двух фронтов, — начал излагать диспозицию Ганс Книппер. — С севера на Ржев будет наступать Калининский фронт. Наступление намечено на

31 июля. А спустя два дня с восточного направления двинется Западный фронт. Его цель — поселок Погорелое Городище, который защищает наша 161-я дивизия. В распоряжении каждого фронта — большое количество орудий, а главное — русские впервые сумели собрать такое большое количество танков. У каждого фронта их примерно по две сотни.

— Да, это большие силы, очень большие, — заметил генерал. — Вы демонстрируете просто прекрасный уровень осведомленности. Еще что-нибудь?

— Пока, к сожалению, больше ничего существенного, — скромно ответил Книппер. — Но я каждую ночь жду гостей с противоположного берега Держи. Я имею в виду русских разведчиков. Они обязательно должны попытаться проникнуть в наш тыл, провести глубокую разведку. Такая попытка обязательно последует, причем в самое ближайшее время — возможно, сегодня же ночью. Я жду этой ночью русскую лодку, так называемую плоскодонку. Я уже видел эту лодку на восточном берегу и точно знаю, в каком месте русские попробуют преодолеть реку. Я собираюсь их встретить, проследить за их действиями и таким образом кое-что узнать. Возможно, кого-то из этих «гостей» удастся захватить. Постараемся, чтобы он заговорил. Нет, я не собираюсь подвешивать его

над огнем или пытательным током — ведь я не служу в гестапо. И без таких диких методов можно многое узнать от человека, если правильно ставить вопросы. К тому же, как вы знаете, господин генерал, я говорю по-русски, мне не нужен переводчик. Таким образом, я уверен, что завтра или послезавтра я смогу ответить на интересующие вас вопросы, господин генерал. Смогу назвать русские части, которые будут участвовать в наступлении, их численность, их планы... В общем, я намерен узнать все о планах русских.

— А вы знаете и места, где русские попытаются переправиться на наш берег? — поинтересовался фон Верхафен.

— Да, я, в общем, представляю, где это может случиться, — ответил капитан. — Так что сегодня ночью я вступлю со своим русским противником в тонкую игру двух разведок. И я уверен, что победителями в этой игре станем именно мы.

— Что ж, хороший ответ, — похвалил Книппера командир корпуса. — Ответ, достойный немецкого офицера. Итак, еще раз выпьем за победу!

— Да, за победу, господин генерал! — ответил Ганс Книппер.

Теперь содержимое бокалов было выпито без остатка.